

Наум МАР

ЖИВОЕ ПРОШЛОЕ

У ДЕРЕВНИ БУЙНИЧИ...

Это было в начале войны

1. 5 сентября 1979 года в отчете о похоронах К. М. Симонова «Литературная газета» сообщала:

«Урна с прахом покойного будет захоронена на Новодевичьем кладбище».

Когда печатались эти строки, мы, к сожалению, не знали о том, что за несколько дней до кончины, прощаясь с близкими, Константин Михайлович высказал им свою последнюю волю: захоронить его прах в Белоруссии, на поле рядом с деревней Буйничи, что в нескольких километрах от Могилева...

Почему именно здесь, на буйничском поле? Не потому ли, что 13 июля 1941 года военный корреспондент Константин Симонов и его боевой товарищ — фоторепортер Павел Трошкин в сражавшемся тогда здесь 388-м стрелковом полку полковника Кутепова приняли боевое крещение в Великой Отечественной войне?

Откроем 117-ю страницу первого тома военных дневников Константина Симонова «Разные дни войны» и перечитаем его рассказ о том, как он прибыл в штаб 172-й дивизии, как познакомился с ее комиссаром Черниченко, который сообщил корреспондентам, что лучше всего в дивизию сражается полк Кутепова, занимающий вместе с другим полком позиции на том берегу Днепра и обороняющий Могилев. Комиссар Черниченко советовал ехать в этот полк сейчас, ночью, ибо в светлое время до него не добераться...

Читатели, вероятно, помнят и то, как Симонов и Трошкин тогда же ночью отправились в этот полк, как на 5-м или 6-м километре за Могилевом они въехали в какие-то заросли, где их немедленно задержали патрульные, как затем доставили в штаб полка. Из окопа поднялся высокий человек, который строго спросил:

— Кто такие?

— Мы — корреспонденты...

— Какие корреспонденты?

Какие корреспонденты могут быть здесь в два часа ночи? Кто ездит ко мне в два часа ночи? Кто вас послал? Вот я вас сейчас положу на землю и будете лежать до рассвета...

Но, к счастью, с корреспондентами был офицер из политотдела дивизии, которого комполка знал. Только потому он и не положил их на землю до рассвета... Потом, смягчившись, Кутепов сказал:

— ...Сами посудите, товарищи корреспонденты. Знаете, какое положение? Приходится быть стрелком. Мне уже надоело, что кругом все диверсанты, диверсанты... Я не желаю, чтобы в расположении моего полка даже и слух был о диверсантах. Не признаю я их. Если охранение несется правильно, никаких диверсантов быть не может. Пожалуйста в землянку, там ваши документы проверят, а потом поговорим...

...Проверили! Кутепов сменял гнев на милость и уже с жарким увлечением рассказывал корреспондентам о вчерашнем трудном бое, в котором полк уничтожил 39 фашистских танков.

Симонов признался, что полковник Кутепов, этот старый солдат, участник первой

мировой войны, как-то сразу стал дорог его сердцу. И, видимо, прежде всего тем, что тогда, в середине жестокого июля 1941 года, здесь, под Могилевом, на этом безвестном поле, он дал настоящий бой врагу.

— Мы так уж решили тут между собой, — сказал Кутепов Симонову, — что бы там кругом ни было, кто бы там ни отступал, а мы стоим вот тут, у Могилева, и будем стоять, пока живы!

Автор «Разных дней войны» побывал в 388-м стрелковом полку 172-й дивизии меньше суток — с 13 по 14 июля 1941 года. Но эта встреча — полковник Кутепов, его офицеры и солдаты, это скромное белорусское поле у деревушки Буйничи, где полк Кутепова стоял насмерть, — они всегда жили в сердце и памяти Симонова. Многие справедливо считают, да он и сам не раз об этом говорил, что образ Серпилина в трилогии «Живые и мертвые» во многом обязан своим рождением Кутепову... Неудивительно и то, что Симонова всегда влекло сюда, под Могилев, на неприметное буйничское поле, которое стало местом его боевого крещения в той долгой войне...

2.

...Живет в Могилеве друг Симонова — полковник Иван Александрович Тихонов, человек суровой военной судьбы. Он встретил первый день Отечественной войны лейтенантом, командиром взвода. Затем служил в Рогачевской краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова дивизии. Командовал ротой, был замкомбата, помощником начальника и начальником оперативного отдела штаба дивизии. Закончил войну майором, в Германии, на Эльбе, встретился с американцами. Был, конечно, награжден. После войны долгие годы служил военным комиссаром Могилевской области.

Полковник рассказал мне историю знакомства с Симоновым.

— Однажды, сентябрьским днем 1965 года мне позвонил генерал Греков, который тогда служил членом военного совета Белорусского военного округа, и сказал, что к нам из Москвы приезжает группа писателей во главе с Константином Михайловичем Симоновым. Он хочет пройти по местам, где воевал летом 1941 года. Мне поручается встретить гостей, обеспечить их поездку. Гости — это были Константин Симонов, Евгений Воробьев, Генрих Боровик.

...Симонов привез с собой пять переплетенных томов своих напечатанных на машинке военных дневников.

— Весь день мы ездили и работали: он все время держал перед собой дневники и сверял давние записи. Вот заросли, где были окопы Кутепова, вот где он сурово допрашивал корреспондентов, вот оно, буйничское поле, где полк сжег 39 танков...

...Иван Александрович, конечно, отменно, во всех подробностях, помнит ту первую встречу. Помнит и то глупое волнение, которое охватило Симонова, когда они

тогда, в 1965 году приехали на буйничское поле.

— Это было 21 сентября, часов в шестнадцать. Стоял светлый осенний день. Сейчас буйничское поле, можно сказать, окраина Могилева, а тогда надо было проехать пустырями километров шесть... Поле, по моему, красивое.

...Пошли поем. А вот и обелиск в честь павших бойцов... Подошли к обелиску. Сняли шапки и молча стояли возле него. Симонов перенес к себе в книжечку запись на обелиске, выразив сожаление, что на нем нет имен павших героев...

— Надо будет поискать эти имена в своих фронтовых блокнотах. Если удастся найти, я непременно назову их в будущей книге...

— И, если вы помните, он нашел эти имена и напечатал их в первом томе «Разных дней войны», — напоминает полковник Тихонов. — Страницы 129—130...

Да, вот они, эти страницы, вот они, бессмертные герои 388-го стрелкового полка:

«Смирнов — сержант Иван Дмитриевич Грошев — красноармеец

Семен — красноармеец, Бондарь — связист, красноармеец

Громов — связист...»

...В тот же день в самом большом зрительном зале Могилева была встреча писателей с читателями.

— Народу набилось — до отказа, — продолжал полковник. — Константин Михайлович вспоминал войну, первые ее недели, Могилев, героический полк Кутепова, сожженные фашистские танки на буйничском поле и сказал, что это поле он помнит всегда и будет его помнить до конца своих дней...

— Следующий раз мы встретились через год, в июне 1966 года... Он опять приехал сюда с дневниками. Снова, конечно, был в Буйничах... Мне кажется, что этот кусок нашей земли, не раз паханный, не раз засевавшийся, был особенным дорог Константиному Михайловичу. Он шагал по нему неторопливо, из конца в конец, все время думая свою думу...

— Летом 1974 года мы праздновали 30-летие освобождения Белоруссии. Симонов приехал к нам в последний раз — привез мне в подарок свой шеститомник... Пробыл у нас, увы, недолго — его ждала дальняя зарубежная поездка. Вышли мы из гостиницы, обнялись на виду у всего честного народа — то была наша последняя встреча...

* * *

...Полковник и сейчас часто бывает на буйничском поле. Подойдет к большому камню, на котором высечен автограф Константина Симонова, даты его рождения и смерти. Отсюда дорожкой пройдет к обновленному обелиску павшим героям 388-го стрелкового полка... Снимет шапку и слушает, как ветер гуляет над этим славным полем у деревни Буйничи, под самым Могилевом.

Шумит ветер над заснеженной землей, которой суждено вечно хранить память о героях той великой войны с фашизмом.